

В. Н. Калмыков
г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины

СИНТЕЗ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЭСТЕТИЧНОСТИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОЙ ЛИЧНОСТИ

Академик И. Ф. Харламов является не только выдающимся специалистом в области педагогики и нравственного становления личности, но и внес свой вклад в искусство, в поэзию. Это подтолкнуло меня к выбору темы статьи. Искусство выступает не только как одна из предпосылок возникновения философии, но и органично вплетено в философию. Единство философии и искусства заключается в том, что они нацелены на ценностный пласт культуры, на изучение образно-эмоционального среза человека, на формирование определенных представлений о реальном и должном, добром и злом, прекрасном и безобразном и т. д. Конечно, есть и различие между искусством и философией, которое выражается в том, что в искусстве преобладает художественно-образное мышление, пронизанное чувственностью, а философия опирается на категориальные абстракции.

Философия буквально означает «любовь к мудрости», «любомудрие». Древние греки изображали богиню Афину, покровительницу мудрости, с совой, сидящей на плече. Римляне назвали Афину Минервой и фиксировали: сова вылетает на охоту в сумерки. Это, вероятно, подчеркивало, что все видится не четко, как днем, а размыто, неясно, приблизительно, что вызывает вопросы. От художественного образа мы переходим к рациональному умозаключению: философия возникла как продукт вопрошающей и недоумевающей мысли. Удивление, полагал Платон, и есть начало философии. Удивление означает пробуждение сознания, открытие нового в привычных и общепринятых воззрениях. Усложнение мира и человека в мире вызывает рост проблемности и возбуждает к философствованию. Дж. Бруно отметил: кто желает философствовать, должен сначала во всем сомневаться. Изумление, сомнение и вопрошание – три источника, которые питают философию, утверждал М. Хайдеггер. Абстракции о «любомудрии» и некоторых чертах, источниках философии становятся для обучающихся более запоминающимися, когда мы прибегаем к художественной яркой образности.

Философы прошлых эпох дали образцы соединения образности и рациональности. Как выразился Платон, душа руководит телом

подобно лошадиной упряжке, определяющей путь колесницы. Этот образ помогает прояснить современную позицию, согласно которой душа заряжает тело своей эмоциональной энергией. Удачно «схватил» сущность средневековой схоластики (ее негативной стороны) Ф. Бэкон, считавший ее бесплодной, как монахиню, посвятившую себя Богу. Т. Гоббс в своем произведении «Левиафан» излагал собственное видение власти и государства. Термин «Левиафан» этим мыслителем взят из библейских сказаний. Это – многоголовое морское чудовище, губящее корабли и людей, символ разрушения. При рассмотрении на занятии социокультурных модусов человеческого бытия и, в частности, отчуждения, более конкретно, политического, преподаватель связывает это отчуждение с деятельностью государства, создающего возможности для формирования аппарата, интересы которого противостоят обществу и направлены на обеспечение защитных механизмов привилегированных чиновников, что сокращает возможности к самокоррекции общественного развития. Государство может выступать как органом консенсуса всех социальных сил общества по мере возрастания элементов социальной демократии, так и в роли чудовища, тормозящего прогресс в обществе. Образ «Левиафана» позволяет четче прояснить негативную сторону государства.

В теме о человеке при рассмотрении исторических типов людей и вариантов их поведения я привлекаю материал из художественной литературы. Так, имена-маски комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Фамусов, Чацкий и Молчалин воплотили позиции, свойственные многим людям: нацеленность на сохранение традиций, поиск и соответственно душевное смятение и приспособление. Литературные персонажи И. А. Гончарова Штольц и Обломов обобщили черты людей креативных, настойчивых, действующих и пассивных, не склонных к поступкам. Яркие выписаны типы людей Н. В. Гоголем в «Мертвых душах»: люди типа «Манилов» – «витают в облаках», типа «Плюшкин» – чрезмерно бережливы, скряги.

Рождение читателя, считает Р. Барт, приходится оплачивать «смертью автора» (растворения смысла его представлений во множестве иных интерпретаций). «Смерть автора», полагает М. Фуко, не окончательна: автор перестает быть творцом, но становится некой функцией, необходимой дискурсу или контексту, причем эта функция постоянно меняется. Текст автора наделяется новыми значениями, становится многомерным и многослойным. Попытаюсь в этом ключе интерпретировать фрагменты из поэзии С. Есенина. С. Есенин хотя и не употреблял термин «бытие», но видел динамику

бытия:

«Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть» [1, с. 149].

Одной из сфер бытия выступает естественная природа. Поэт при бегает к приему ее олицетворения. Черемуха у него спит в белой на кидке, вербы и березы – плачут от тоски, тополи – шепчут, осень – рыжая кобыла – чешет гриву и т. п. В творчестве поэта проходит идея нравственного отношения к природе, что весьма актуально в современных условиях экологического кризиса. Помимо экологического, человечеству грозит антропологический кризис. Одним из проявлений последнего выступает встречающаяся в современном обществе замена естественного отношения мужчины и женщины на нетрадиционную интимную ориентацию. В этом вопросе С. Есенин – приверженец нормальных отношений между мужчиной и женщиной. Приведу лишь некоторые отрывки из творений поэта:

«Я средь женщин тебя не первую...
Немало вас» [1, с.153].
«Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну» [2, с. 166].

Стремление к новизне (в том числе к нетрадиционному интиму) не должно подавлять самой древней традиции человека – естественно-социально-духовного продолжения человеческого рода, чувств, вкуса к жизни:

«Жить – так жить, любить – так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй» [1, с. 231].

С. Есенин выразил в своем творчестве коллизии переломной эпохи, отобразил противоречия между патриархальностью и индустриализацией через образы «красногривого жеребенка» и «чугунного поезда», понимал неодолимость нового:

«Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?» [2, с. 80].

Не являясь ни философом, ни экономистом, С. Есенин в поэме «Страна негодяев» (1922–1923) увидел изъяны рынка и трудности в выражении духовного мира человека:

«На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян» [2, с. 256–257].

Действительно, в рынке человек становится экономически зреее, но часто духовно, нравственно, эстетически беднее. Ранее обозначенные темы и идеи входят в содержание курса «Философия». Специализированный на право-левые различия, человеческий мозг одновременно един, в нем в каждый момент переплетаются и взаимодействуют словесные и несловесные сигналы, абстрактное и конкретное мышление, образная и словесная память. Правое полушарие отражает внешний мир преимущественно синтетически, со всеми его красками и звуками, а левое воплощает его в грамматические и логические формы. Порой в системе образования в современном информационном обществе нагрузка больше падает на работу левого полушария. Синтез рациональности и художественной образности в преподавании позволяет достигнуть гармонии в работе обоих полушарий мозга, что обеспечивает целостность интеллектуальной и эмоциональной сфер личности.

Список использованных источников

- 1 Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 3 т. / С. А. Есенин. – М. : Изд-во «Правда», 1970. – Т. 1. – 353 с.
- 2 Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 3 т. / С. А. Есенин. – М. : Изд-во «Правда», 1970. – Т. 2. – 447 с.